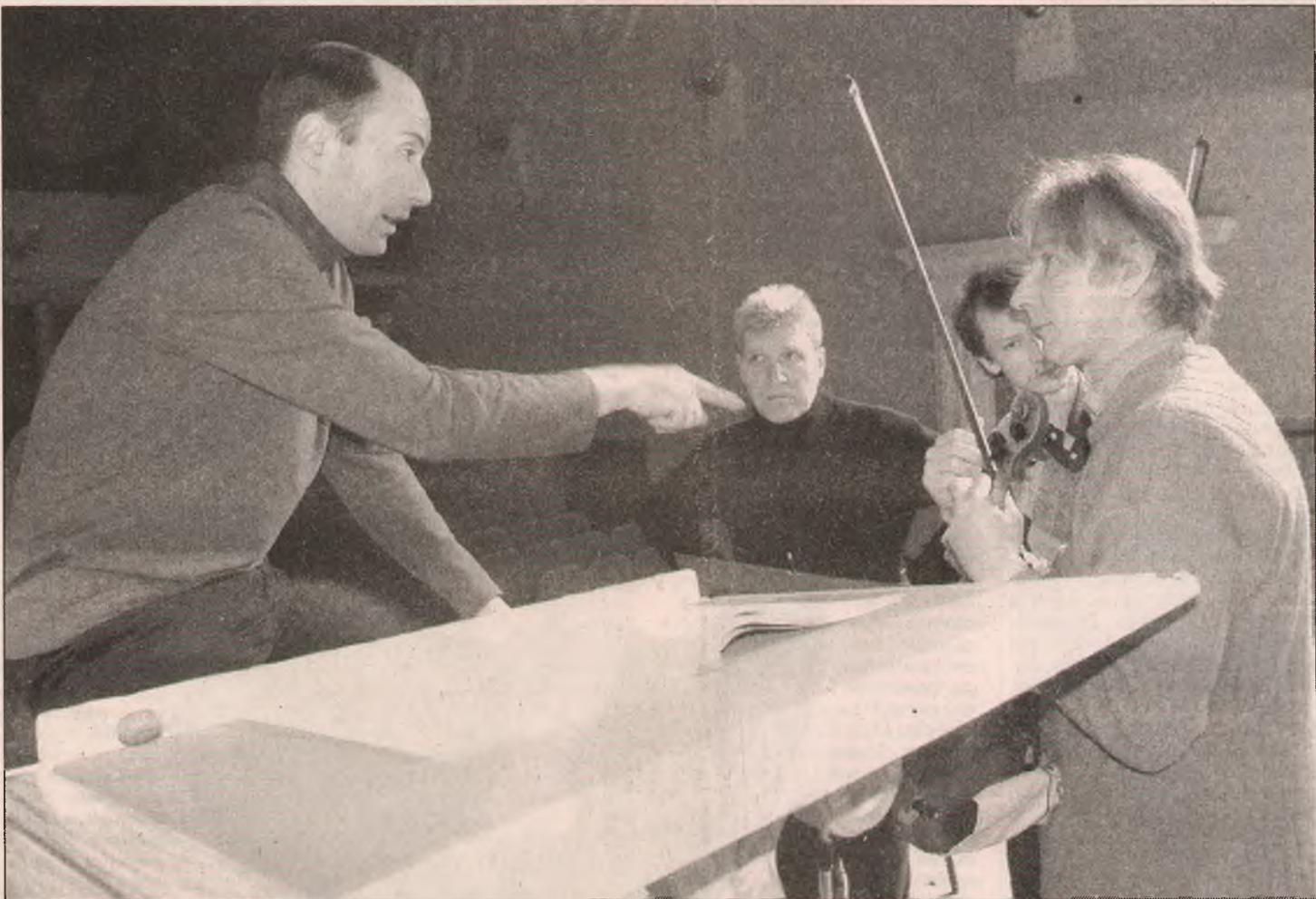

Есть у Всеволода верный сторож

КРУПНЫЙ ПЛАН

В сегодняшних афишах Ярославской филармонии концерт губернаторского симфонического оркестра «Взгляд из Парижа». В программе Берлиоз и Шопен. За дирижерским пультом уроженец Ярославля, гость из Франции Всеволод Полонский. С этим знакомым незнакомцем встретился наш корреспондент.

Для начала мы попросили гостя на минутку мысленно вернуться во Францию и оглядеться в его парижской квартире: нет ли там чего-нибудь, напоминающего о Ярославле? Ну как же, есть, оказывается — двухтомный сборник всех двадцати сонат Бетховена, фирменное немецкое издание. Четверть века назад его привез из Москвы отец, купил за немалую по тем временам цену в два с полтиной.

Подарок сыну, пятикласснику ДМШ, был со значением, на вырост. Став взрослым, Всеволод много чего оттуда поиграл. И сегодня частенько снимает с полки тот фолиант, готовясь к занятиям в муниципальной консерватории Парижа, где ведет класс фортепьяно. Но все же и по сей день не может похвастаться живущий во Франции успешный российский музыкант Всеволод Шмулевич-Полонский, что освоил тот презент от корки до корки. Вот и выходит, что с легкой руки отца Бетховен, как непокоренная вершина у альпиниста, всегда у него впереди.

Про то ярославское влияние наш собеседник полуслушута объяснил:

— На свет появился я в год Собаки, с тех пор сам себя сторожу.

Никакой личной «формулы успеха» он не имеет, амулеты, кажется, не признает. Во всем

мире, говорит, в цене, и в искусстве тоже, люди с искрой божьей, мастера своего дела, надежные партнеры. А вот наставлениям «сторожа» привык Всеволод следовать с детства: не отвлекаться на пустяки, не размениваться по мелочам, не пасуй перед судьбой. Родителям вторили учителя музыки Лапчевская и Тахер, а позже в Питере добрый знакомый семьи композитор Вениамин Баснер.

Хорошо снарядили в жизнь мальчишку с абсолютным слухом. Потому, наверное, и не сломался, когда с ангиной поехал поступать в школу при Московской консерватории, а вместо этого от перенапряга на целый месяц угодил в больницу с подозрением на миокардит — воспаление сердечной мышцы. И от студенческой бедолажной неустойчивости в Ленинграде отломанным ломтем в жизни себя не почувствовал, потому что начеку он был, тот самый недремлющий сторож.

Вот и научился трезво оценивать собственные успехи. А воспарить было от чего. На французских гастролях питерского театра Льва Додина, где аспирант консерватории Шмулевич заведовал музчастью, на ура принимали спектакль «Клаустрофобия», озвученный Всеволодом. Его талант и отношение к искусству оценила Лионская

консерватория — добила для студента из России государственной стипендии.

На оперном фестивале в Провансе исполнялась его камерная опера «Соловей и роза» по Оскару Уайльду. Всеволод выиграл два международных дирижерских конкурса и шесть (!) композиторских. На одном из них, имени Анри Дютыйе, гран-при получила скрипичная пьеса французского ярославца «О чем рассказывает дождь», а в жюри входили такие светила, как Владимир Ашкенази, Исаак Стерн и сам, без пяти минут живой классик, месье Дютыйе.

Во Франции, как в России, кто зарабатывает? Бизнесмены, биржевые маклеры, юристы. Композитор там не профессия, он свободный художник. Большие заработки, если ты не великий, тебе не светят. Шмулевич-то как раз мог бы жить на гонорары и премии. А удивил новостью: ведет любительский оркестр высших школ Парижа — играют у него будущие инженеры, врачи, филологи, но музыку с недавних пор больше не сочиняет.

Предпочел надежный заработок и стабильность. Это сразу повлияло на его гражданский статус. Остается российским подданным, но вместо годовых карточек получил без всякого запроса вид на жительство сразу на десять лет. К нему из Питера переехали жена с пятилетней дочкой Алисой. Снимают квартиру в тихом парижском пригороде со знакомыми пейзажами вокруг, те места по берегам Сены любила писать импрессионисты.

На деликатную тему, почему в афише он Полонский, если по паспорту его фамилия Шмуле-

вич, наш визави рассуждал без всяких комплексов. Просил не искать тут социально-политической подоплеку. Весело пояснил: во Франции Шмулевичем быть даже лучше, чем Полонским. Если первая фамилия может звучать, как он сказал, «и вполне по-русски», то «Полонский» внушает сильное подозрение, что ты из Польши, а поляков французы по неизвестной причине с доисторических времен недолюбливают.

Оказывается, тайну псевдонима надо искать в глубинах филологии. «Шмулевич» хуже с точки зрения артистической — вот в чем вопрос. «Ш» и пишется, и звучит на разных языках по-разному. Зато с «Полонским» в этом смысле нет никаких проблем. К тому же слово Всеволоду родное и близкое. Примерил фамилию супруги — подошла как нельзя лучше.

...Погулять по Ярославлю «мистеру Икс» пока не пришлось, все некогда. Каждый день путь у него один и тот же: от подъезда родительской квартиры в Брагине до маршрутки, от остановки до филармонии. Часа четыре репетиции с оркестром, с московским пианистом Сергеем Тарасовым — и домой, к позднему ужину. Стоят, стоят они жертв, самый французский из всех французских композиторов пламенный романтик Берлиоз с его «Божественной симфонией» — эпизодами из жизни артиста. Особый случай с Первым концертом Шопена. По невероятному стечению обстоятельств именно этот шедевр польского классика вместе с записями Моцарта из отцовской фонотеки душу Всеволода раз и навсегда «повернул к музыке».

Юлиан НАДЕЖДИН.